

Усыпанный бамбуковыми дощечками и листами рисовой бумаги стол в глазах Чжань Сюйтаня выглядел не более чем стопкой старых законопроектов, еще не прошедших утверждение.

Административная эффективность при дворе Великого Ся была до отвращения низкой. Чтобы провести какой-либо бюджет от стадии предложения до фактического выделения средств, приходилось преодолевать бесчисленные споры и препирательства. Партия чистых умов пеклась исключительно о красивых именах и репутации, роялисты опасались нарушить хрупкий баланс сил, и каждый был готов привести сотню причин для возражения, но никто не желал брать на себя реальную ответственность за конечный результат.

Такая скорость рассмотрения в современности не прошла бы даже первичное чтение в парламентском комитете.

Тяжелые одежды с вышитыми питонами и короткая жесткая щетина на подбородке то и дело напоминали Чжань Сюйтаню о том, что он больше не находится в привычном здании законодательного собрания, а стоит в самом эпицентре совершенно чуждой ему власти.

Однако в его глазах высший совет империи никогда не был чем-то священным и неприкосновенным.

Это по-прежнему оставалось ареной политической борьбы.

Просто баталии в парламентских залах сменились шахматной партией между монархом и сановниками, а препирательства из-за законопроектов переросли в жесткое противостояние за власть.

Дворцовые интриги? Слишком примитивно.

По-настоящему искушенные игроки имеют дело с проектированием институтов, согласованием интересов и тем, как заставить всех без исключения сесть за стол переговоров.

Чжань Сюйтань потер занывшие виски, и его пальцы снова коснулись аккуратно подстриженной щетины на подбородке. Это легкое покалывание напоминало ему, что он больше не тот депутат, который привык отстаивать свою точку зрения с помощью слов и поддержки избирателей, а сидящий в самом сердце власти Регент, каждое слово которого способно решить судьбу бесчисленных людей.

Воспоминания прежнего владельца тела рисовали картину ожесточенной придворной грызни. Знатные кланы держали в руках жизненно важные артерии государства, образуя разветвленные сети местных интересов; чиновники из партии чистых умов погрязли в морализаторстве и любили поспорить о высоких материях, начисто лишённые каких-либо практических навыков управления. Вопросы же, действительно касавшиеся жизни простого народа — борьба с последствиями стихийных бедствий, ремонт инфраструктуры и распределение средств на местах, — то и дело затягивались в бесконечных межпартийных

распрях.

Будучи старым политическим бойцом, Чжань Сюйтань прекрасно понимал: чтобы переломить эту систему, поверхностных методов вроде публичных обличений и морального давления было совершенно недостаточно.

Если не реорганизовать правила парламентских процедур, не взять под контроль процедуру рассмотрения бюджета и не затянуть соперников в выгодную игру за закрытыми дверями, пробить брешь в лагере устоявшихся интересов не удастся. Эту закоряченную систему необходимо было переписать заново, применив парламентские методы борьбы, отточенные за годы политических бурь.

Требовалось найти отправную точку, способную разрушить этот тупик.

В памяти Чжань Сюитаня тут же всплыл образ Помощника министра финансов — облаченного в скромные синие одежды человека с негибаемым хребтом.

Хэ Чанвэй.

Хотя этот молодой чиновник был зануден и консервативен, среди столичных сановников он оставался одним из немногих, кто действительно разбирался в финансовых расчетах и обладал кристально чистыми помыслами. Если удастся привязать этого человека к колеснице своих реформ, Новая политика пойдет вперед семимильными шагами.

Эй, передайте мой личный приказ. — Чжань Сюйтань взял кисть и вывел на рисовой бумаге несколько строк. — Позвать Помощника министра финансов Хэ Чанвэя, пусть немедленно явится в Резиденцию регента для аудиенции. Если кто-то попытается увильнуть — строго наказывать без прощенья.

Спустя полчаса.

Двери кабинета в Резиденции регента медленно отворились.

Хэ Чанвэй был облачен в безупречное синее чиновничье платье, а его длинные волосы были идеально собраны под белоснежным нефритовым венцом. Его лицо оставалось холодным и отстраненным, спина была прямой, как струна, и каждый шаг он делал твердо и уверенно, словно направлялся не в особняк всемогущего сановника, а на плаху.

В тот самый момент, когда он получил приказ, Хэ Чанвэй уже приготовился к худшему. Сегодня он открыто дерзил Регенту прямо в тронном зале, загнав того в угол, и учитывая прежнюю свирепую и буйную натуру этого безумного Вана, подобный срочный вызов один к одному означал смертный приговор или попытку под любым предлогом бросить его в темницу для устрашения остальных.

Ваш слуга, Хэ Чанвэй, приветствует Регента.

Хэ Чанвэй остановился в трех шагах от письменного стола, приподнял полы одежды и отвесил ровный поклон, держась с достоинством и без раболепия. Хотя на сердце было тревожно, от накатывавшей волны тяжелого давления воздух в груди невольно стал чуть спертый.

Сам же Чжань Сюйтань в этот момент полулежал в кресле-тайцзи, устланном мягким лисьим мехом. Его черно-красные одежды с узорами питонов сидели немного свободно, придавая ему редкие в будние дни расслабленность и небрежность. Увидев героическую позу Хэ Чанвэя, готового в любую секунду пожертвовать собой во имя родины, Чжань Сюйтань не только не разгневался, но даже тихо рассмеялся.

Господин Хэ, оставьте эти церемонии, присаживайтесь. — Чжань Сюйтань чуть приподнял руку, указывая на резное деревянное кресло напротив стола.

Хэ Чанвэй слегка замер, и в его чистых глазах мелькнуло недоверие. Ожидаемых палачей и суровых пыток не последовало: вместо этого пресловутый властолюбец с дурной славой улыбался, глядя на него, а в его глазах читался умный, пронзительный блеск хитрого лиса.

Благодарю Вана. Позвольте узнать, зачем Ван позвал меня так поздно? — Хэ Чанвэй не стал садиться и остался стоять на прежнем месте. Его голос звучал холодно, как лед, и в нем отчетливо слышалось сильнейшее недоверие.

Я велел вам сесть, значит, садитесь. Что, боитесь, что я спрятал в этом стуле ловушку? — Чжань Сюйтань поднялся на ноги, и его высокая фигура излучала непреклонную властность, пока он неспешно направлялся к столик-услужнику с чайными принадлежностями.

Хэ Чанвэй прикусил губу и в конце концов, приподняв полы халата, аккуратно опустился на деревянное сиденье. Спина его по-прежнему была натянута струной, руки чинно лежали на коленях, а взгляд холодно следил за каждым движением Регента.

Чжань Сюйтань лично взял изящный чайник из пурпурной глины и залил кипятком в чашки. Мгновенно по просторному кабинету разнесся густой аромат элитного чая с нотками горных утесов. Это был лучший чай Да Хун Пао, только что поступивший в качестве дани из Цзянбэй этой весной — сорт, за который на рынке просили тысячи золотых.

Попробуйте, этот чай достать непросто.

Чжань Сюйтань подвинул наполненную чашку к Хэ Чанвэю, а затем сам подтянул другое кресло и уселся совсем близко от гостя.

Расстояние между ними сократилось мгновенно: Хэ Чанвэй даже уловил легкий запах сандала от собеседника и почувствовал исходящее от зрелого мужчины тепло. Такая недопустимо

близкая дистанция вызвала у него внутренний дискомфорт, и он инстинктивно чуть отклонился в сторону.

Глядя на прозрачный розоватый настой в чашке, Хэ Чанвэй испытывал целую бурю противоречивых чувств. Сердце его забило тревожнее. Регент внезапно предлагает ему чай — это точно не обычное гостеприимство. Проверка на прочность или новый коварный расчет?

Что, господин Хэ не решается сделать глоток? — Чжань Сюйтань подпер подбородок рукой, с живым интересом наблюдая за богатой гаммой эмоций на лице молодого чиновника. — Полагаете, я подсыпал в чай яд?

Эту жизнь, Ван, если она вам так нужна, можете забрать в любой момент. — Хэ Чанвэй вскинул голову, прямо глядя в глубокие глаза Чжань Сюйтаня, и произнес с непоколебимой решимостью: — Вот только имперская казна пуста, а простой народ ждет помощи. Даже превратившись в злого духа, этот слуга продолжит следить за Ваном прямо из залов суда!

С этими словами Хэ Чанвэй взял чашку и единым махом осушил ее с видом смертника.

Чжань Сюйтань замер, его пальцы так и остались висеть в воздухе.

Он полагал, что Хэ Чанвэй станет колебаться, проверять чай или искать предлоги, чтобы отказаться. Ведь люди при дворе мастера прятать по десять скрытых смыслов за каждой фразой.

Но этот молодой человек перед ним, прекрасно понимая, что в чашке может быть смертельный яд, все равно выпил ее без малейших сомнений.

В современной политике он видел слишком много тех, кто прикрывался преданностью, пряча личную выгоду в рукаве.

Но встретить кого-то вроде Хэ Чанвэя, кто, отчетливо осознавая цену, все же выбирал отстаивать то, во что верил — таких людей оставалось слишком мало.

Глупо?

Пожалуй, очень глупо.

Но оттого и невероятно ценно.

Чай приятно согрел горло, оставив после себя мягкое сладковатое послевкусие. Ожидаемой боли в животе не последовало, зато уставшая за целый день голова мгновенно прояснилась.

Чжань Сюйтань тихо усмехнулся, в уголках его глаз промелькнула тень беспомощности.

Жизнь господина Хэ слишком дорога, я бы не посмел отравить вас до смерти. — С этими словами он снова поднял чайник и аккуратно подлил свежего чая.

Белые щеки Хэ Чанвэя слегка порозовели от неловкости и гнева: он никак не ожидал, что его героический поступок, совершенный с открытым сердцем, в глазах собеседника окажется обычной шуткой.

Чжань Сюйтань, чего вы в конце концов добиваетесь?

В порыве чувств Хэ Чанвэй даже позволил себе назвать собеседника по имени.

Господин Хэ, не спешите. Сегодня я пригласил вас сюда не для того, чтобы решать вопросы жизни и смерти, мы будем говорить о правилах. — Чжань Сюйтань убрал улыбку, его лицо приобрело серьезное и сосредоточенное выражение опытного человека, а от всего его облика повеяло специфической аурой прирожденного переговорщика. — При дворе полно глаз и ушей, о многом вслух не скажешь. Я люблю говорить прямо: сегодня я позвал вас, чтобы сыграть в кулуарный торг.

Кулуарный торг?

Брови Хэ Чанвэя сошлись на переносице, а в глазах отчетливо проступило отвращение. Ученые мужи почитают самодисциплину, следование ритуалу и чистоту помыслов, а слова, слетавшие с губ этого человека, казались ему грубыми, вульгарными и насквозь пропитанными меркантильным расчетом.

Ван — Регент Великого Ся, но из уст ваших то и дело звучат слова о выгоде да правилах! Во что вы превращаете имперские законы? Куда вы деваете судьбы простого народа?

Перед лицом гневного обвинения молодого чиновника Чжань Сюйтань не только не разгневался, но даже усмехнулся. Сделав глоток чая, он в упор уставился на красивое лицо собеседника.

Господин Хэ, не спешите прикрываться судьбами простого народа.

Чжань Сюйтань поставил чашку на стол и продолжил ровным тоном:

Позвольте спросить: есть ли хоть одно дело, проходящее через Министерство финансов ежедневно, которое не было бы связано с распределением ресурсов и балансированием интересов разных сторон?

Знатные кланы хотят сохранить свои надель и налоги, чиновники стремятся укрепить влияние собственных группировок, ведомства борются за дополнительные средства. Все это изначально существует при дворе.

Или вы думаете, что стоит всем закрыть рты — и интересы испарятся?

Чжань Сюйтань смотрел на Хэ Чанвэй спокойно и весомо.

Партия чистых умов борется за репутацию и право голоса, кланы — за корни и богатства, роялисты — за места при дворе.

Разве кто-то из столичных чиновников не отстаивает интересы тех, кого представляет, стоя на собственной позиции?

Проблема вовсе не в том, что интересы существуют, а в том, что все вокруг укутываются в тоги праведности, напрочь отрицая саму реальность этой борьбы.

Чжань Сюйтань отставил чашку, его крупная фигура подалась вперед, а взгляд стал острым, как у сокола. Переговорные инстинкты, отточенные годами парламентских баталий, проявились в полную силу. Он не повышал голос, продолжая говорить ровно и спокойно, но делал это так, будто шаг за шагом зажимал противника в тиски за закрытыми дверями, заставляя Хэ Чанвэй ощущать невидимое давление.

То, что называют политикой, на самом деле есть не что иное, как искусство распределения интересов и поиска компромиссов.

У каждого есть своя позиция, у каждой группировки — свои требования. И раз уж все стремится отстоять свое, вместо того чтобы месяцами поливать друг друга грязью в тронном зале, не проще ли выложить карты на стол и четко обозначить границы уступок?

Сделать так, чтобы те, кому положено получить свое, остались довольны; чтобы те, кому следует отступить, сохранили лицо; и чтобы вещь, которую казалось невозможным сдвинуть с мертвой точки, наконец заработала — вот это и называется настоящей политикой.

Я называю эти правила межпартийными переговорами.

Межпартийные переговоры — еще одно незнакомое, никогда прежде не слыханное слово.

Занимая высокий пост в Министерстве финансов, Хэ Чанвэй давно привык к постоянной грызне за ресурсы при дворе. У кланов свои расчеты, у чиновников своя линия, различные силы сдерживают друг друга — это было обычным положением дел.

Но он никогда не видел, чтобы кто-то с такой циничной откровенностью вытаскивал наружу эти закулисные игры, да еще и преподносил их как метод государственного управления.

Бесстыдство высшей пробы! — сквозь стиснутые зубы процедил Хэ Чанвэй, и его холодный голос слегка дрожал.

Бесстыдство? Любой метод, способный решить проблему, — хороший метод.

Пальцы Чжань Сюйтаня ритмично застучали по крышке стола, издавая сухой стук.

Наводнение в Цзянбэй уже заливает людям горло. Если бы сегодня в зале суда я не задавил оппозицию жесткой силой, твои коллеги из партии чистых умов во главе с тобой спорили бы со мной о конфуцианских ритуалах добрых три дня и три ночи. Каждый день промедления стоил бы сотен жизней в Цзянбэй. Скажи, господин Хэ, твоя безупречная честность способна оживить утонувших в воде подданных Великого Ся?

Эти слова прозвучали как тяжелый молот, рухнувший прямо на сердце Хэ Чанвэя.

Сегодня в Зале Тайцзи он действительно оказался загнан в тупик доводами Чжань Сюйтаня о нуждах простого народа. Даже внутренне считая, что Регент преследует лишь жажду власти, он не мог отрицать: прежний порядок выделения средств был чудовищно громоздким и оставлял множество лазеек для местных чиновников-взяточников.

Если Ван проводит Новую политику ради блага простого народа Цзянбэй, этот слуга, разумеется, не станет чинить слепых препятствий. — Хэ Чанвэй глубоко вздохнул, силой подавляя поднимавшуюся в груди бурю эмоций и прямо встречая пронзительный взгляд Регента. — Но раз уж Ван собирает все полномочия по проверке в Резиденции регента, а Министерство финансов превращается в пустую вывеску, где движение казны никто не сможет проконтролировать — разве это не откроет для Вана путь к кумовству и набиванию собственных карманов?

Именно поэтому я и позвал тебя сегодня.

В глазах Чжань Сюйтаня промелькнуло одобрение. Этот упрямец, при всей своей принципиальности, оказался вовсе не тупым книжным червем — он с первого же взгляда разглядел главную уязвимость в проекте Новой политики.

Я могу пойти на уступки насчет Закона о реорганизации бюджета. — Чжань Сюйтань неторопливо поправил свободный рукав, сохраняя невозмутимый вид. — Окончательное решение о выделении средств останется за Резиденцией регента, но все права на контроль и аудит я готов целиком передать Министерству финансов. Отныне каждая выделенная на ликвидацию бедствия монета должна быть одобрена лично твоей подписью, господин Хэ, иначе указ не вступит в силу. Как тебе такое условие?

В глазах Хэ Чанвэя мелькнуло замешательство, и он поднял холодный взгляд на собеседника:

Раз Ван готов позволить мне осуществлять надзор, зачем тогда оставлять за собой последнее слово?

Чжань Сюйтань посмотрел на настороженного молодого человека и не стал спешить с возражением, продемонстрировав всю глубину и проницательность зрелого политика, понимающего механику власти. Он заговорил неспешно, словно наставляя одаренного ученика в тонкостях государственного устройства:

Потому что реформы не построишь на одной лишь честности.

Его крупная фигура слегка подалась вперед, глубокий взгляд приковал к себе собеседника, а тихий голос бил точно в цель:

Господин Хэ, вы умеете охранять мошну, но вам не сдвинуть с места весь двор. За этой придворной суетой скрывается паутина переплетенных интересов и фракционных распрей, и одной лишь чистотой помыслов такую брешь не пробить. Я беру на себя борьбу с бенефициарами старой системы на передовой и продвижение институтов; вы же отвечаете за тыл, выступая в роли самого строгого ревизора.

Уголки губ Чжань Сюйтаня тронула легкая улыбка — мягкая, наставническая улыбка старшего товарища, подготавливающая почву для финального аккорда:

Я давлю вперед, а вы следите за порядком.

Сердце Хэ Чанвэя затрепетало, чистые глаза наполнились полнейшим неверием.

Права на контроль и аудит по сути означали обладание пульсом Новой политики. Чжань Сюйтань ценой таких усилий протащил сомнительный закон через суд — и теперь так легко отдает столь смертоносную власть ему?

Ван говорит всерьез? — Хэ Чанвэй едва ли верил собственным ушам.

В политических делах мое слово твердо, как камень. — Чжань Сюйтань погладил короткую щетину на подбородке, улыбаясь точь-в-точь как старый лис, добившийся своего. — Однако раз уж я дал тебе право надзора, ты должен ответить мне взаимностью.

Какая еще взаимность? — Хэ Чанвэй отпрянул назад, и чувство опасности вновь достигло пика.

Все просто. — Чжань Сюйтань качнулся вперед, сократив расстояние настолько, что они едва не касались друг друга дыханием. — На завтрашних Общественных слушаниях ты, господин Хэ,

должен встать на мою сторону и выступить соавтором этого законопроекта. Партия чистых умов следует за тобой; стоит тебе кивнуть, и сопротивление Новой политике при дворе сократится как минимум наполовину.

Вот где была зарыта собака.

Хэ Чанвэй внутренне усмехнулся. Стоит ему поставить свое имя под законом, как в глазах окружающих он превратится в предателя фракции чистых умов и получит клеймо прихвостня Регента.

Ван ставит меня в безвыходное положение. — Хэ Чанвэй поднялся с места, полы его синего платья скользнули по дереву, а голос зазвучал леденяще: — Моя личная репутация — мелочь, но обмануть товарищей по всей империи и пойти на поводу у тирана — преступление тяжкое. На эти ваши межпартийные переговоры этот слуга не согласен.

С этими словами Хэ Чанвэй резко развернулся и направился к выходу из кабинета.

Господин Хэ.

Чжань Сюйтань не встал с места и не пытался его остановить, лишь неторопливо выбросив свой последний козырь. В его голосе не было ни капли досады — звучало это так, будто он зачитывал план партии, сто раз проигранный в уме:

Что для вас важнее — собственная репутация или жизни миллиона простого народа в Цзянбэй?

Если завтра мы не договоримся, мне придется прибегнуть к жестким мерам и запустить это нововведение волевым решением.

Тогда у двора больше не останется пространства для компромисса, все противники будут вынуждены занять места по разные стороны баррикад, и цену за эту смуту заплатят не сияющие во дворце сановники, а простые люди в Цзянбэй.

Господин Хэ, вы действительно хотите, чтобы все зашло так далеко?

Шаги оборвались.

Хэ Чанвэй стоял у дверей, его спина окаменела.

Он думал, что Чжань Сюйтань просто пытается сломить его упрямство, но мгновение спустя до него дошло — Регент вовсе не угрожает пустыми словами.

Этот опытный политик безжалостно вывалил перед ним суровую, кровоточащую политическую реальность.

Этот человек мог действовать жестко и властно, но он лучше кого бы то ни было понимал: каждое промедление, каждый спор при дворе оборачиваются трагедией не для тех, кто восседает на высоких стульях и привык высчитывать выгоду, а для тех далеких жителей Цзянбэй, которые не смогут дождаться даже следующего заседания.

Хэ Чанвэй сжал руки в кулаки так, что затрещал рукав халата.

Как бы сильно он ни противился этому внутренне, ему приходилось признать: пронзительный взгляд Чжань Сюйтаня видел насквозь ту жестокую реальность, которую он сам так долго не хотел замечать и которую был не в силах изменить.

Этот безумец Чжань Сюитань...

Он использовал жизни столичных чиновников и выживание простого народа Цзянбэй, чтобы заставить его подчиниться.

Но самое печальное заключалось в том, что он прекрасно понимал: этот изменившийся до неузнаваемости Регент выполнит все до последнего слова.

В кабинете воцарилась мертвая тишина.

Чжань Сюитань смотрел на эту прямую, но такую одинокую фигуру в синем халате, не испытывая ни малейших угрызений совести. В современных избирательных кампаниях грязные сделки и моральный шантаж покруче этого случались каждый день. Желая добиться чего-то в политическом болоте, нельзя бояться запачкать руки.

Хэ Чанвэй медленно повернулся, его бледное красивое лицо исказилось от гнева и унижения, а в глазах полыхали огоньки ярости.

Чжань Сюитань, вы победили.

Хэ Чанвэй шаг за шагом вернулся к столу, с высоты своего роста глядя на невозмутимого мужчину, и чеканил каждое слово:

Этот слуга придет на завтрашние слушания. Но запомните, Ван: я соглашаюсь ради простого народа Великого Ся, а не из страха перед вашей тиранией. И если в будущем я замечу хоть малейшую брешь в казенном бюджете, я пойду с вами до конца!

Приятно иметь дело, господин Хэ.

Чжань Сюйтань с улыбкой поднялся и протянул правую руку. Вспомнив в последний момент, что находится в древней эпохе, он без смущения опустил ее, заменив жест на стандартный поклон.

Хэ Чанвэй холодно фыркнул, даже не глянув на него, и взмахнув рукавами, стремительно вышел.

Проводив взглядом захлопнувшуюся дверь кабинета, Чжань Сюйтань глубоко вздохнул, рухнул обратно в лисье кресло и потер заколдованную щетиной щеку.

Он опустил голову на разложенный проект Новой политики.

Спустя мгновение Чжань Сюйтань взял кисть и в графе первого соавтора — то есть главного инициатора закона — уверенно вывел три иероглифа.

— Хэ Чанвэй.

Глядя на еще не высохшие чернила, Чжань Сюйтань улыбнулся с торжеством хищника. Это была та самая уверенность опытного игрока, заполучившего в свою колоду самый острый козырь. Чжань Сюйтань тихо рассмеялся, и в его тоне прозвучала зрелая, не терпящая возражений властность старшего:

Господин Хэ, место, которое я для вас приготовил — это вовсе не наблюдатель, стоящий в сторонке.

Он отложил кисть, его пальцы чуть шевельнулись, а взгляд словно прошил лежащую перед ним бумагу, цепляясь за ту самую гордую, но уже затянутую в сети молодость.

Вам придется подняться со мной наверх и переписать старые правила, по которым этот мир жил слишком долго.

Чжань Сюйтань откинулся на спинку кресла, и с ленивой, глубокой улыбкой пробормотал:

Маленький зануда, эта игра в кошки-мышки только начинается.

Уголки его губ изогнулись в непостижимой улыбке. Ночные кулуарные переговоры завершились полной победой, а предстоящие Общественные слушания станут настоящим чистилищем для проверки современных навыков пиара и информационной борьбы. Закостенелой политике двора Великого Ся было суждено разлететься в щепки в его руках.

Столетний уклад имперского двора был обречен на полное перерождение под его началом.

<http://bllate.org/book/20997/2134884>